

Пляскин Георгий Иванович

Мой отец, Пляскин Иван Семенович, родился 12 августа 1883 г. в Читинской области село Анон. Родители рано умерли, воспитывался у сестры – муж был священником, жили на станции Борзя. После окончания гимназии его отдали учиться в Читинскую духовную семинарию. После окончания семинарии назначили работать в казачью общину, село Доно (Забайкальское казачество), которое находилось в 15 км. от китайской границы и 250 км. от железной дороги. Люди в станице жили зажиточно. Служил псаломщиком, дьяконом (в то время получить приход было трудно, священников было много, ни как в настоящее время), и только в 1910 г. был рукоположен в сан священника.

В первые годы Советской власти пришлось отцу менять несколько приходов, церкви закрывались и разрушались, но материально жили хорошо, держали свое хозяйство. Под раскулачивание 1929 г. не попали. Сумели хозяйство ликвидировать.

Последний приход был в районном центре Бырка. Село было большое. Люди жили зажиточно. Но Советская власть коммунарами и колхозами разорила всех жителей. Церковь была большая, красивая со стеклянным портиком, внутри храма было много икон. Самое замечательное было распятие Иисуса Христа, выполненное в объемной форме в натуральную величину из дерева кипариса. В летнее время распятие Иисуса Христа носили по всем окрестным селам с крестным ходом - служили молебны. Молодежь в то время устраивала всякие шествия, особенно на Пасху, с выкриками, что Бога - нет, различные диспуты, есть или нет Бог. А зачинщиками были учителя, у которых образование было не больше 4-х классов, кое-как могли писать.

В начале 1930 г. была тайная организация в Забайкалье под руководством полковника Стукова, которая предполагала ликвидировать Советскую власть до Иркутска. Но все организаторы были разоблачены, и вся организация распалась, и всех неблагонадежных стали выселять.

В декабре месяце 1933 г. всю нашу семью, а нас, детей, было четверо, из Забайкалья выслали за пределы Иркутска. До станции Борзя ехали на лошадях в 30-градусный мороз на расстоянии 250 км. На станции Борзя посадили в товарные вагоны (теплушки), ехали до города Красноярска месяц, зимой. Приехали в город Красноярск, квартиры не было, скитались кое-как. Голодные, холодные, слава Богу, что были кое-какие продукты - не умерли с голоду. А годы 1933-34 были годами голодными. Многие не выживали, ели калбу. С Божьей помощью маленькую комнатку нашли в местечке, называемом Юдина дача (она у меня написана на картине), где и ютились шесть человек. В Красноярской епархии папе прихода не дали, их просто не было, церкви почти все были закрыты. Папа поехал в Томскую епархию, где дали приход в селе Богородском, Кожевниковского района. Через полтора года церковь была закрыта. Переехали в с. Александровское по Асиновской железной дороге, где церковь закрыли через два месяца. Переехали в деревню небольшую Ущерб. Жили на краю деревни в избушке, почти без окон, без дверей (она у меня написана на картине). Зимой питались - ловили зайцев. В то далекое время их было много, да мама зарабатывала шитьем, ходила по селам, шила. Весной 1935 г. папе дали приход на ст. Тайга в Ильинской церкви. До Отечественной войны в ней служили два священника - по недели. Второй был обновленческого течения, они были связаны с НКВД. В Тайгинском приходе папа служил 1935-36 гг. За год сменили несколько квартир, священника и его семью никто не хотел держать. В конце 1936 г. купили худую, но свою квартиру - третью часть дома (он у меня написан на полотне). На Пасху папе нужно было служить Пасхальную службу, второй священник сделал всякую клязу (донос). Перед Пасхой папу арестовали. При обыске у нас взяли: книги, фотографии, иконы, другим словом - все. После ареста мама ездила в Москву, была на приеме у М. И. Калинина. Много было разговору, приводила пример, как он сидел у нас в Забайкалье в тюрьме как политический в Нерческом заводе, как была жена на

свидании и т. д. Еще не вернулась из Москвы, папу из-под ареста выпустили. В церкви остался служить второй священник (обновленческий). В 1943 г. он снял с себя сан священника, устроился работать бухгалтером, и вскоре умерла жена, и сам умер трагически. Была одна дочь, которая пошла по плохой жизненной дороге и вскоре погибла. Бог наказал - всей семье не стало. Церковь в этот период закрыли, но ничего не разрушали. В 1946 г. собралась «двадцатка» религиозных людей, в том числе, и моя мама, я им написал заявление в Москву в отдел по церквям. В этом же году церковь была открыта, служба идет до сего времени, только ее в 1985 году перестроили. Была деревянная, стала каменная. А папу после ареста перевели в г. Томск в Троицкий кафедральный собор, где служил Владыка. Мы в Томск переехать не успели.

16 августа в одну ночь были арестованы все - от старосты церкви до Владыки. Свидания не давали, мы не знали ничего. Много раз писали, ответа не получали. Только в 1947 году получили ответ из НКВД, что умер в 1943 г., но я этому не поверил. Когда началась перестройка, написал опять заявление в МБРФ г. Томска, год не было ответа. Написал повторное заявление, через месяц получил ответ и книгу памяти «Боль людская». В г. Томске выпустили 4 тома, в которые записаны все поименно граждане, арестованные в Томской области по 58 статье. Кроме этого, получил письмо, в котором написано: «Ваш отец - Пляскин Иван Семенович, 12 августа 1883 г. рождения, русский, священнослужитель, проживал в г. Томске, ул. Октябрьская 41-4, был арестован 16 августа 1937 г. и необоснованно осужден как участник карательно-монархической организации по статье 52-2, 10,11 УК РСФСР. 13 сентября «тройкой» УНКВД по ЗапСибкраю приговорен к расстрелу. 22 сентября 1937 г. приговор приведен в исполнение в г. Томске», и получил «Свидетельство о смерти» из ЗАГСа.

13 марта 1960 года военным трибуналом Военным трибуналом СибВо (г. Новосибирска) дело было пересмотрено о реабилитации расстрела без вины, как священника. Более чем через пол века я узнал всю правду о своем отце. Все, что я помню, написал.